

начали перекликаться на птичныхъ дворахъ и пѣніе ихъ долетало смягченнѣе изъ-за толстыхъ оградъ. Птичка защебетала въ паркѣ, налѣво, безпрерывно повторяя коротенькій ритурнель простой, наивный и комичный.

— Пора вернуться домой, — объявилъ Саваль.

Они вернулись, и Сервиньи, входя въ свою комнату, увидѣлъ въ окно, остававшееся открытымъ, заалѣвшійся горизонтъ. Онъ раскрылъ ставни, задернулъ толстыя занавѣси, легъ въ постель и наконецъ заснулъ.

Все время во снѣ онъ видѣлъ Иветту.

Странный шумъ разбудилъ его. Онъ присѣлъ на постели и прислушался. Но ничего не слышалъ. Затѣмъ вдругъ точно градъ посыпался въ его ставни.

Онъ вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, открылъ его и увидѣлъ Иветту, которая стояла въ аллеѣ и бросила ему въ лицо цѣлую пригоршню песку.

Она была одѣта въ розовомъ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и большимъ перомъ «à la mousquetaire» и смѣялась хитро и лукаво.

— Ну, Мюскадъ, вы все спите. Что вы дѣлали ночью, что такъ заспались поутру? Вы вѣрно искали приключеній, мой бѣдный Мюскадъ!

Онъ стоялъ ослѣпленный яркимъ дневнымъ свѣтомъ, внезапно залѣпившимъ ему глаза, еще отягченные сномъ, и дивился насмѣшливому спокойствію молодой дѣвушки.

Онъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ, сейчасъ, мамзель Иветта. Дайте только промыть глаза и я къ вашимъ услугамъ.

Она закричала:

— Торопитесь, уже десять часовъ. Мнѣ надо сообщить вамъ важный прое́къ. Мы составимъ заговоръ. Вы знаете, что завтракъ подають въ одиннадцать часовъ.

Онъ нашелъ ее сидящей на скамейкѣ съ книгой на колѣняхъ, вѣрно какимъ-нибудь романомъ.

Она фамиллярно, дружески взяла его подъ руку, такъ откровенно и весело, какъ будто бы ничего наканунѣ не случилось, и потащила его на другой конецъ сада.

— Вотъ мой прое́къ. Мы не послушаемся мамашы, и вы меня сведете въ Гренульеръ. Я хочу это видѣть. Мамаша говорить, что честныя женщины не бываютъ въ такихъ мѣстахъ. Но мнѣ рѣшительно все-равно, можно или нельзя тамъ бывать.